

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

«Как мы пишем историю?»: материалы экспресс-опроса

Редакция журнала «Былые годы» продолжает обсуждение наиболее актуальных проблем развития современного исторического знания. Сегодня мы предлагаем Вашему вниманию полученные нами ответы на вопросы о том, как «мы пишем историю». Необходимость обращения к этой, казалось бы, давно потерявшей свою исследовательскую значимость проблеме, связана с начавшимися как в отечественной, так и мировой историографии процессами методологического переопределения сути и предназначения знания о прошлом. Неоднозначность полученных на сегодняшний день результатов требует серьезного разговора об азах ремесла историка, роли в постижении прошлого источника и творческого воображения исследователя. Надеемся, что начатый нами разговор окажется полезным и вызовет заинтересованное обсуждение всех тех, кто не равнодушен к судьбам нашей профессии.

Материалы рубрики подготовлены **д.и.н. Т.П. Хлыниной, к.филос.н. В.В. Шапаренко**

1. Как и когда начался Ваш путь в профессиональную историографию? Испытывали Вы когда-нибудь настоятельную потребность уйти из профессии и если «да», то куда?
2. Что больше всего привлекает Вас в изучении прошлого? Ощущаете ли Вы научную и социальную востребованность Вашего труда?
3. Как и под воздействием каких обстоятельств рождаются Ваши вопросы к прошлому? Вы закоренелый обитатель библиотек, скрупулезный поисковик, большую часть времени проводящий в архивах, или активный пользователь «сети»?
4. Что, на Ваш взгляд, первично в зарождении научного замысла: сомнение, неудовлетворенность прочитанным или же открытие нового свидетельства о прошлом?
5. Видите ли Вы принципиальную разницу между трудом историка и литератора? В чем она проявляется и как сказывается на воссоздании исторической реальности?
6. Как часто Вы черпаете писательское вдохновение в художественных произведениях? Прибегаете ли Вы в своих сочинениях к литературным приемам – интриге, композиции, использованию метафор?
7. Какую роль в Ваших исторических сочинениях играет воображение? Имеет ли профессиональный историк право «домысливать» недостающие звенья исторической мозаики?
8. Может ли (и способен ли в принципе) профессиональный историк писать лично окрашенную версию прошлого (исходя из получаемого образования и правил нахождения в

профессии), преломляя в ней свои убеждения и предпочтения? Или же он должен оставаться на позиции эмоционально беспристрастного слушателя, передающего современникам лишь то, что ему удалось найти в источнике?

9. Переживает ли современная историография кризис жанра? Чем, на Ваш взгляд, вызвано падение читательского интереса к «серьезной» исторической литературе?

10. Если бы Вам пришлось одним-тремя словами охарактеризовать то, что Вы пишете, как бы Вы назвали продукт своей профессиональной деятельности? Сочинением на заданную тему, постижением прошлого или...

Хут Людмила Рашидовна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Адыгейского государственного университета (г. Майкоп):

1. Базовое историческое образование я получила на историческом факультете Кубанского государственного университета в 1974–1979 гг. (кафедра новой и новейшей истории). Но по-настоящему ощутила себя в профессии после защиты кандидатской диссертации и полного погружения в повседневную практику педагогической деятельности вузовского преподавателя, т.е. во второй половине 1980-х гг.

Настоятельную потребность уйти из профессии стала испытывать лишь в самое последнее время после трехлетнего пребывания в очной докторантуре одного из московских вузов, защиты докторской диссертации и возвращения к педагогической деятельности. Это связано, на мой взгляд, с острым ощущением невозможности переломить негативные тенденции, характерные для современной российской научной и образовательной среды. Возможно, имело бы смысл попробовать себя в литературно-художественном творчестве. В жанре социального романа, например. Кстати, замысел одного уже есть. Его рабочее название «Диссер». Дала себе слово, что когда-нибудь обязательно опишу, как выглядят сегодня «забеги» за научными степенями, в которых сама приняла непосредственное участие.

2. Прежде всего, личный интерес к историописанию, но в еще большей степени – к историописующим. Предмет изучения, волнующий меня сегодня, может быть обозначен как история историографии в человеческом измерении.

Если научную востребованность ощущаю частично, то социальную не ощущаю категорически.

3. Поскольку в профессии меня сегодня больше интересует то, «как пишут историки», мои вопросы рождаются из постоянных столкновений с многообразными социальными практиками науки. Если же речь идет о разработке какой-то конкретно-исторической проблемы, то здесь для меня первично стремление непротиворечиво «вписать» любой материал в некий общий контекст, чтобы было ощущение его как части целого. Иными словами, это то, что мои коллеги называют сетевой или перекрестной историей.

Наверное, ближе к истине будет самопозиционирование в качестве «хронического чтеца» фондов общественных и частных библиотек, а с некоторых пор и активного пользователя «сети». Невероятно интересно «узнавать» тот или иной текст, «чувствовать» его, понимать, как он «сделан».

4. И первое, и второе, и третье. Но в моем случае это, прежде всего, сомнение.

5. Разница, конечно, есть, но, к счастью или к несчастью, непринципиальная. Это очень зыбкая демаркационная линия, которая, на мой взгляд, все более и более размывается. Это не хорошо и не плохо. Так есть. Но историку-профессионалу, думается, полезно всегда помнить о том, что он в принципе, работает с тем же материалом, что и литератор в своих реконструкциях (деконструкциях) прошлого – *текстом*, который кем-то, когда-то и с какой-то целью создан.

6. Довольно часто, особенно в опытах презентаций тех или иных исторических событий перед студенческой аудиторией. Мне близко метафорическое мышление, хотя оно, безусловно, полно ловушек.

7. Вживание, вчувствование в историю, сопереживание ей как один из возможных способов постижения прошлого весьма эффективен в разумных дозах и при определенных обстоятельствах. Я активно использую его в работе со студенческой аудиторией при организации и проведении исторических ролевых игр.

8. И может, и способен. Но здесь скрыто присутствует еще один вопрос: имеет ли право, оставаясь и мысля себя в поле профессиональной историографии? На мой взгляд, эмоционально беспристрастный слушатель «разговорённого» источника – это даже не пушкин-

ский Пимен, (как бы) равнодушно внимающий добру и злу, а киборг, безуспешно пытающийся освоить мир людей. Со времени появления неклассического типа научного знания, т.е. с начала прошлого века, представители точных наук говорят об исследователе как «включенном наблюдателе», оказывающем обратное влияние на наблюдаемый объект. Что ж тогда говорить о гуманитарном знании?

9. Кризис – понятие многозначное. Не время и не место об этом сейчас подробно говорить: жанр экспресс-опроса к этому не располагает. Коротко: если речь идет о параллельном и весьма конфликтном (именно конфликтном, с навешиванием ярлыков, попыткой вывести оппонента за скобки т.н. «высокой науки» и т.д.) сосуществовании в современном отечественном историографическом пространстве различных способов видения прошлого и соответствующих им языков исторического описания, со своими гуру, шумными и подчас агрессивными адептами, то, безусловно, да – речь идет о кризисе. Когда, как мне уже приходилось об этом и писать, и говорить, то, что обозначают понятием «историческая наука», существенно различаются даже по обе стороны московского Садового кольца, это, конечно, кризис. Если же попытаться приподняться чуть выше и посмотреть на процессы в современной историографии, имея в виду мировую историческую науку, то здесь более очевиден, скорее всего, не кризис жанра, а кризис самоидентификации исторического знания как знания научного в своей основе. Но тут для историка нет, по сути ничего нового, ибо стары как мир споры о том, что есть история – наука или искусство. Кстати, об этой двойственной природе истории в очередной раз профессиональному историческому сообществу не так давно напомнила Неллеке Ноордервлиет. «Каждый знает, что Клио – это шлюха, – не без эпатажа заявила голландская писательница в своем выступлении на очередном Международном конгрессе исторических наук в августе прошлого года. – Она сидит перед окном в квартале красных фонарей. Игривая и сладострастная, она обслуживает как застенчивых ученых-академиков, так и нагловатых, напористых кинорежиссеров. Она одинаково зазывающе смотрит на мужчин и женщин и предлагает все, чего они пожелают: быстрое удовлетворение, длительную опустошающую ласку, жестокую непредсказуемую драму, необузданную страсть. И все это делает без особого напряжения. Такова ее игра, но, кто она на самом деле, не знает никто. Она держит свою подлинную сущность в тайне и улыбается, подобно Моне Лизе, тем, кто ее спрашивает об этом. Она выглядит вечно молодой, хотя стара, как мир, и уж, конечно, старше своей профессии».

А что касается падения читательского интереса к «серьезной» исторической литературе, то это связано, на мой взгляд, с нежеланием (или неумением) «идти в народ» тех, кто производит подобного рода литературу. Умение «переключать регистры», т.е. работать с различной целевой аудиторией, оставаясь при этом в поле профессиональной историографии, это, увы, удел немногих современных историков.

10. Постижением постигающих прошлое...

Невская Татьяна Александровна – д-р ист. наук, профессор Северо-Кавказского государственного технического университета (г. Ставрополь)

1. Историографией я стала заниматься после защиты кандидатской диссертации, когда мне предложили вести курс «Историография отечественной истории» на 4 курсе истфака. Для всяких конференций писала статьи и тезисы по историографии Северного Кавказа, потом в СКНЦВШ началась работа над коллективной монографией «Историография Северного Кавказа», для которой я написала раздел «Историография истории Ставрополья с XVIII в. до наших дней». Началась перестройка, а с ней и изменение методологии истории, поэтому работа не увидела свет. Уходить из профессии я не собиралась, потому что больше ничего профессионально не умею делать.

2. Мне это интересно. Востребованности науки у нас в стране нет.

3. Все названное.

4. Вопрос не корректен. Все имеет место. Но чтобы возникла неудовлетворенность прочитанным или же сомнение, надо очень хорошо знать предмет.

5. Историк опирается на источники, литератор – на труды историков. Цели разные. Историк должен доказать свою концепцию, литератор – создать интересное художественное произведение, где не обязательна историческая достоверность.

6. Нет.

7. Когда глубоко и в деталях изучены явления и факты, начинает вырисовываться концептуальная картина. Домысливать – неадекватный термин, историк должен *объяснить*, приводя фактические (документальные или др.) аргументы, а не домыслить что-либо.

8. В конечном счете, все исторические труды лично окрашены, даже если их автор считает себя предельно объективным. Позиция историка зависит от воспитания в семье, от учителей и наставников, от прочитанных книг и много другого, даже от материального положения, что немало сказывается на позитивном или негативном восприятии действительности.

9. Под термином «историография» понимается историописание, как считал Карамзин, или история исторической науки, как было принято трактовать этот термин в советское время, или обзор литературы по проблеме? Я не совсем поняла, о чем речь. Историография как дисциплина, несомненно, переживает кризис, так как перестали писать историю науки с точки зрения изменения ее теоретических и методологических основ, основных парадигм научного знания, а пишут сейчас, в основном, обзор исторических трудов по той или иной проблеме, называя это историографией.

10. Объяснением прошлого, постижением логики развития событий.

Горелов Максим Михайлович – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории РГГУ, старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН (г. Москва)

1. Путь в историографию начался в аспирантуре как естественное содержание избранной профессии историка. Потребности в смене профессии я не испытывал и пока не испытываю.

2. Основной побудительный мотив – скорее удовлетворение личного интереса к прошлому, чем социальная востребованность. Я увлекался историей с детства, чисто для себя.

3. Вопросы к прошлому во многом диктуются стремлением объяснить настоящее, исследовать корни социальных явлений и институтов, лежащие в прошлом. Я пользователь и Сети, и библиотек, форма доступа к информации не столь важна.

4. Важны все причины, сложно выделить какую-то одну.

5. Разница коренится в задачах. Писатель использует историю как фон для художественного сюжета или проповеди каких-либо своих идей, учёный же стремится к реконструкции реальности прошлого.

6. Художественные произведения могут быть мощнейшим фактором пробуждения и поддержания интереса читателя к истории. Приёмы художественной литературы вполне допустимы в научных трудах, если они не наносят ущерб научным задачам исследования и не подменяют цели.

7. Воображение важно для работы гуманитария, особенно при построении теоретических моделей, например, альтернативно-исторических. История терпит сослагательное наклонение.

8. Беспристрастно-объективная позиция – идеал, к которому можно и нужно стремиться, но на практике обычно бывает как раз наоборот, поскольку научное творчество невозможно в отрыве от личности самого автора, на которую неизбежно оказывают влияние среда, эпоха, воспитание, образование, личные взгляды, убеждения, черты натуры и т.п. Поэтому абсолютная объективность вряд ли достижима.

9. Основных причин две. Первая – это вопиющее падение уровня культуры и образования в обществе, в связи с чем популярность обретает скорее литература дешёвых сенсаций, нежели серьёзная; она лучше продаётся и легче усваивается. Вторая причина заключается в том, что сами учёные за прошедшее столетие слишком оторвались от широкой аудитории, предпочитая писать «элитарно», для самих себя. Оптимальным был бы возврат к лучшим чертам историографии XIX в., когда историки писали понятным народу слогом, ярко и захватывающе, тем самым способствуя массовому интересу общества к истории.

10. Я следую девизу Л. Ранке – стараться излагать «как, собственно, было дело».